

С Л О В О

Н А Н О В Ы Й Г О Д Ъ .

Невидимая Его (Божія) отъ созданія міра, твореньми помышляема, видима суть и присносущная сила Его и божество (Римл. 1, 20).

Эти слова Апостола Павла по справедливости должны бы быть не только высшимъ критеріемъ для испытующей мысли во всѣхъ ея изслѣдованіяхъ и выводахъ по естествознанію, но и самую лучшую подписью ко всякому письменному ученому труду по этой отрасли человѣческаго знанія. Видимая природа, отъ самаго созданія своего, по словамъ великаго Апостола, представляетъ собою какъ бы открытую книгу, въ которой испытующая мысль, въ концѣ концовъ, должна прочесть непременно одно, именно—поученіе о Богѣ, т. е. по твореніямъ познать Творца, по свойствамъ тварей открыть свойства Творца, или—Бога всемогущаго, премудраго, всеблагаго, вездѣсущаго, Бога промыслителя, Бга личнаго. Всѣ изслѣдованія природы, отрицающія бытіе Божіе и высочайшія свойства Его, суть, по этому, изслѣдо-

ванія несостоятельныя, ложныя. Въ самомъ дѣлѣ, взглянувъ на сводъ небесный съ его изумительною красотою и чудно правильнымъ и цѣлесообразнымъ устройствомъ и теченіемъ небесныхъ свѣтилъ, кто изъ насъ, положа руку на сердце, позволитъ себѣ сказать, что это не есть дѣло всемогущаго Творца и не произведеніе Высочайшаго Художника, который, при устройствѣ общихъ и частныхъ орбитъ небесныхъ свѣтилъ, *измѣрилъ небо*, какъ бы *пядію*? И, наоборотъ, кто при этомъ не отвернется съ презрѣніемъ, какъ отъ наглядно нелѣпой, отъ той мысли, что дивная красота неба, а равно силы и законы небесной сферы появились, образовались, установились, существуютъ и дѣйствуютъ сами по себѣ, по мимо будто всякаго личнаго вліянія высочайшаго Ума и высочайшей Воли? Равнымъ образомъ, разсматривая и землю съ ея произведеніями, какъ повѣрить, что столь необъятное множество существъ, наполняющихъ ее, имѣетъ все необходимое для своего бытія, все потребное для сохраненія своихъ особенностей и продолженія рода и вида тоже—будто случайно? „Скажи мнѣ, кто это здѣсь прешель? спросилъ простой проводникъ ученаго путешественника въ Аравійской пустынѣ.—Левъ, отвѣчалъ тотъ. „Зачѣмъ же ты меня спрашиваешь есть ли Богъ и что онъ такое? Взгляни на небеса и по слѣдамъ ихъ узнаешь, кто это тамъ шель и идетъ доселѣ“. Такъ явственно слышна въ природѣ проповѣдь о Богѣ и внятна здравому смыслу! Такъ—*видна шествія* Бога нашего въ твореніяхъ Его и дѣлахъ рукъ Его! Почему же были не только прежде, но есть, и особенно нынѣ, такіе изслѣдователи природы, которые, во имя естественной же науки, приходили и приходятъ къ отрицанію, проповѣдуя безбожіе и все, возникающее изъ онаго, нелыныя умозрѣнія. И что при этомъ особенно нужно, чтобы естествознаніе шло правильно?

Въ видимомъ мірѣ не видятъ предлежащаго предмета обыкновенно тогда, когда вниманіе *имѣющая очи видятъ* всецѣло поглощено бываетъ другимъ предметомъ, когда сей послѣдній завладѣваетъ всеми помыслами ума, всеми чувствами сердца и интересами жизни. Тогда, обыкновенно, видя—не видятъ и слыша—не слышатъ. Съ этой точки зрѣ-

нiя и Св. Апостоль разрѣшаетъ вопросъ о безбожникахъ своего времени. Сказавши, что *невидимая* Божiя, чрезъ разсматриванiе тварей, становятся *видимыми*, правда, Апостоль не задается за тѣмъ прямо вопросомъ—откуда же безбожники, но зато указываетъ путь, по коему люди, не смотря на постоянно открытую и всегда поучающую о Богѣ книгу природы, дошли однако до отрицанiя. „Они, говоритъ онъ, *осуетились въ помыслахъ своихъ и у нихъ омрачилось неслышенное сердце* (21), *въ похотяхъ сердецъ скверняютъ тѣлеса свои* (24); они, наконецъ, *не старались имѣти Бога въ разумъ* (28). Соображая слова Апостола, приходимъ къ убѣжденiю, что современные ему безбожники были слѣпы и глухи къ проповѣди творенiя о Богѣ потому именно, что, по складу ихъ ума, исключительно занятаго обсужденiемъ предметовъ суетныхъ, по разврату ихъ сердца, незнакомаго съ чистою духовною любовiю и съ чистою духовною радостiю, какъ отупѣвшаго, оделѣвшаго и погрязшаго въ одни чувственные удовольствiя, и по всѣмъ интересамъ ихъ жизни, преслѣдовавшей одно временное и вѣншее благо, Богъ—Творецъ, Богъ Промыслитель, Богъ существо Святѣйшее, создавшiй челоуѣка по образу своему и для того написавшiй въ совѣсти каждаго нравственный законъ (Римл. 2, 15) былъ, очевидно, совершенно чуждъ имъ, какъ чистое противорѣчiе, какъ полное отрицанiе всего того, что находилось въ ихъ умѣ, въ ихъ сердцахъ и жизни. Умъ ихъ утратилъ уже расположенiе возноситься къ высшей причинѣ бытiя, сердце не наталкивало на этотъ вопросъ, а суетная жизнь устраняла и вовсе этотъ вопросъ. Мало того: ниспадая постепенно въ бездну зла, они дошли наконецъ даже до ненависти къ Богу и ко всему разумно-нравственному. Имъ тяжела, имъ ненавистна, отвратительна стала всякая мысль о Богѣ и нравственномъ порядкѣ. Но послушаемъ, какъ описываетъ ихъ Апостоль: „Они, пишетъ онъ, *исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбiя, злобы, ненависти, зависти, убiйства, распрей, обмана, злонравiя; они—злорѣчливы, клеветники, боюненавистники, обидчики, самохвалы, горды, избортательны на зло, непослушны родителямъ. Они—безрасудны, въроломны, немю-*

Бовны, не примиримы, немилостивы (Римл. 1,29—31). Вѣдь это цѣлый адъ со всѣмъ его зломъ! Удивительно ли, что люди съ такимъ направлениемъ не познавали изъ природы Творца и Промыслителя по той именно простой причинѣ, что они уже не искали Его, отвернулись отъ Него и, въ злобѣ и ожесточеніи, нарочито смежали очи свои, чтобы не видѣть Его? Удивительно ли, что богоборная мысль ихъ только вскользь останавливалась на явленіяхъ видимаго міра и, много—много, на ближайшихъ причинахъ этихъ явленій, не давая себѣ труда вознестись къ Причинѣ всѣхъ причинъ, или къ той присносущной Силѣ, которая чувствуется и созерцается, открывается и осязается въ мірѣ всюду—до былинки и червяка? Удивительно ли, что огрубѣвшее и ожестившее въ ненависти къ Богу чувство ихъ, при разсмотрѣніи твореній Божіихъ, всемирно усиливалось наталкивать испытующую мысль на то, что, по видимому, отрицаетъ Бога, вмѣсто того, что, какъ день, какъ свѣтъ полудне, проповѣдуетъ Его?

По инѣмъ, по видимому, причинамъ не усматриваютъ Бога въ природѣ современные намъ безбожники; но только по видимому; въ сущности же источникъ отрицанія у тѣхъ и другихъ, по крайней мѣрѣ до весьма значительной степени, одинаковъ. Нынѣшнее естествовѣдѣніе такъ высоко поднимаетъ свое знамя, что открыто провозглашаетъ себя за науку наукъ. Вооружившись анатомическимъ ножомъ и ретортою, телескопомъ и микроскопомъ, оно считаетъ состоятельными тѣ только знанія, которыя приобретаются чрезъ посредство сихъ орудій и внѣшнихъ чувствъ, все же остальное признаетъ непознаваемымъ, не существующимъ. Отсюда происходитъ, что господствующій характеръ естественныхъ наукъ нашего времени есть, по преимуществу, матеріалистическій и атеистическій. Отсюда—отрицаніе Бога и всего міра духовнаго, такъ какъ ни перваго, ни послѣднихъ, т. е. духовъ, нельзя ни видѣть, ни осязать, ни положить подъ анатомическій ножъ, ни подъ микроскопъ или въ реторту, ни наблюдать надъ ними посредствомъ телескопа. Правильно ли такое воззрѣніе? Очевидно, нѣтъ. Противъ него—вся здравая философія, которая, какъ извѣстно, не только не

отвергаетъ Бога, но и признаетъ въ каждомъ человѣкѣ природное стремленіе къ Нему, чѣмъ собственно и объясняется тотъ фактъ, что нѣтъ народа, даже самого дикаго, который бы не имѣлъ религіи. Противъ него—всемирная исторія, которая не только не знаетъ народа безъ религіи, но и, въ лицѣ лучшихъ и глубокомысленнѣйшихъ истолкователей своихъ, въ движеніяхъ міровой жизни усматриваетъ всюду присутствіе высшаго перста, движущаго и направляющаго жизнь народовъ къ высшимъ цѣлямъ міроуправленія. Противъ него—сама даже естественная наука, лучшіе представители которой, бывъ хорошо знакомы съ научными орудіями, но чуждые современнаго матеріалистическаго направленія науки, до того были вѣрующими и религіозными, что не позволяли себѣ съ покрытою головою произносить и имени Божія и, при разсматриваніи твореній, приходили въ такое удивленіе и изумленіе, что положительно терялись въ благоговѣннѣйшемъ предъ всемогуществомъ, премудростію и неизмѣримою благостію Творца вселенной и Промыслителя. Не забудемъ, что въ естественной наукѣ это были такіа свѣтила, которыя собственно и вывели ее изъ застоя, давъ ей своими великими открытіями навсегда толчекъ. Противъ воззрѣнія современныхъ натуралистовъ—все божественное откровеніе, которое не только есть дѣйствительное слово самаго Бога, но и передаетъ намъ о многочисленныхъ и многообразныхъ явленіяхъ Божіихъ въ мірѣ, и, наконецъ, въ частности Апостольское слово Св. Павла. Святой Апостольство проводитъ ту именно, строго философскую, мысль, что изслѣдователь природы можетъ безошибочно умозаключать отъ твореній видимаго міра къ Творцу его, отъ свойства тварей къ Его свойствамъ, отъ силъ, какія проявляются въ мірѣ, къ присносущной, вседержавшей божественной Силѣ. Что же иное, какъ не это именно, означаютъ слова его: *невидимая Божія, твореніи ми помышляема, видима суть и присносущная сила Его и божество*. Вся ошибка, естество-испытателей настоящаго времени состоитъ въ томъ, что они самопроизвольно и вопреки общепринятой истинѣ ограничили міръ существующаго одною матеріею, а органы познанія существующаго—однимъ только вѣшнимъ опытомъ. Впрочемъ мы не вѣримъ,

чтобы современные натуралисты могли дойти до отрицанія Бога только по началамъ своей науки; мы думаемъ, что здѣсь скрывается болѣе глубокое основаніе... „Нѣтъ Бога!“... Вѣдь это—страшное слово! Чтобы серьезно сказать его, для этого предварительно надо порвать съ Богомъ всякій духовно-нравственный союзъ. „Нѣтъ Бога!“... Вѣдь однимъ этимъ словомъ произносится смертный приговоръ на всякій здравый человѣческій смыслъ; небо и земля съ человѣкомъ въ своихъ задачахъ сводятся тогда къ нулю. Скольконибудь нравственный человѣкъ скорѣе тысячу разъ отвернется отъ своихъ выводовъ и, не будучи, признаетъ ихъ ошибочными, чѣмъ скажетъ это слово: нѣтъ Бога. Мы убѣждены, что современные естествоиспытатели доходятъ въ своихъ выводахъ до отрицанія Бога не столько по началамъ своей науки, сколько въ слѣдствіе постепеннаго удаленія отъ Бога ихъ мысли, въ слѣдствіе омраченія ихъ сердца и охлажденія въ себѣ духовныя потребности, и они, подобно современникамъ Св. Апостола, не стараются уже *имѣть Бога въ разумѣ*. Мы думаемъ, что не столько начала науки навели ихъ на отрицаніе, сколько пустота ихъ духа навела ихъ на эти начала. *Глаголющія быти мудри, обзюродыша*, замѣтилъ Апостоль о безбожникахъ своего времени.

Что же нужно, чтобы вѣдѣніе природы шло правильно? Одно,—именно, чтобы оно шло рука объ руку съ библіею. Природа и библія! Вѣдь это—двѣ книги, которыя взаимно себя объясняютъ и пополняютъ. Раздѣлять ихъ нельзя: онѣ—струи изъ одного источника и совокупно ведутъ человѣка къ морю вѣчности. Библія открываетъ истину чрезъ слово Божіе, природа—чрезъ творенія Божіи. Предметъ, по этому, у нихъ—одинъ: истина. Дѣйствительно, изучая природу вмѣстѣ съ библіею, естествоиспытатели избѣжали бы многихъ, не только прямо ложныхъ, но и поспѣшныхъ положеній и заключеній. Зная, напр., изъ библіи, что Богъ есть Творецъ всего видимаго и невидимаго, а душа человѣческая—духъ, созданный по образу Божію, естествоиспытатели не пришли бы къ тому возрѣнію, что въ природѣ все будто развивается само собою—постепенно: изъ первоначаль-

наго напр. ила произошелъ самъ собою будто міръ растений, изъ сего—міръ животныхъ, а изъ послѣднихъ—человѣкъ; не пришли бы тѣмъ болѣе, что ни переходныхъ степеней, ни связующихъ звеньевъ между этими мірами никто еще не указалъ и доселѣ, и что никакое здравое мышленіе не допускаетъ, чтобы въ произведеніи могло быть больше, чѣмъ въ произведшей его причинѣ,—и тѣмъ еще болѣе, что подобное воззрѣніе прямо противорѣчитъ наглядному опыту. Илъ, напр., и доселѣ остается иломъ, міръ растений и царство животныхъ доселѣ сохраняютъ свои неподвижныя свойства. Человѣкъ, и только человѣкъ, какъ существо особенное, какъ образъ Божій, какъ носитель совѣсти и ума, какъ обладатель свободы и нравственнаго чувства и другихъ чистыхъ духовныхъ стремленій, одинъ идетъ впередъ и впередъ, и никто не уважаетъ предѣла, когда и гдѣ остановится его умственно-нравственное развитіе, или послѣднее приближеніе къ своему Первообразу. Зная изъ библіи, что Богъ есть не только Творецъ видимаго міра, но и премудрый и всеблагій Промыслитель его, и что въ мірѣ семь подѣ его управленіемъ совершается нравственное развитіе личнаго человѣческаго духа, исторія котораго тысячею корней связана съ природою и дѣламъ коего служатъ въ видимой природѣ тысячи видимыхъ явленій, не только благодѣтельныхъ, но и разрушительныхъ, естествоиспытатели не пришли бы къ тому воззрѣнію, что природа составляетъ будто такой замкнутый порядокъ, въ которомъ нѣтъ уже мѣста никакому стороннему влиянію, не говорили бы, что чудеса, и въ смыслѣ особенныхъ промыслительныхъ дѣйствій Божіихъ, невозможны и излишни въ мірѣ, и не проповѣдывали бы, что физическія явленія, какъ то: *огнь, градъ, снѣгъ, голодъ, духъ буренъ*, громъ и землетрясенія, вѣтры и дожди,—суть только необходимыя произведенія своихъ ближайшихъ механическихъ причинъ, а не исполнители вмѣстѣ высочайшей воли Промыслителя, или—*не творятъ славо Ею*,—божественную волю Его. Зная изъ библіи, что преслушаніемъ человѣка *грѣхъ въ міръ вниде*, а съ *грѣхомъ* и *смерть*, и что съ осужденнымъ человѣкомъ *вся тварь повинуся суети*, *создыхаетъ* съ нимъ, чая свободы своей отъ порабощенія

въ послѣднемъ будущемъ (Римл. V, 12, 19. VIII, 19, 20, 21), естествоиспытатели не провозглашали бы, что борьба за существованіе есть нормальный и исконный законъ природы; напротивъ они первые должны бы прийти къ убѣжденію, что подобная печальная случайность есть прямое извращеніе естества, есть полнѣйшее отступленіе отъ тѣхъ первоначальныхъ порядковъ, когда все созданія Божіи, и въ себѣ и въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, были *зло добра*, когда безъ боязни агнецъ пасся вмѣстѣ съ волкомъ и все вообще были покорны своему властелину—человѣку. Что это въ самомъ дѣлѣ за законъ, что за порядокъ, когда одно существо вынуждается жить на счетъ страданій и смерти другого? Зная изъ библіи, что въ видимомъ мірѣ былъ страшный переворотъ, который, за малѣйшимъ извѣтійемъ, умертвилъ всякую живую тварь на землѣ и, быть можетъ, переставилъ договинна горы и морей съ одного на другое мѣсто,—мы разумѣемъ всемірный потопъ,—естествоиспытатели должны бы пришли къ убѣжденію, что, по раскопкамъ земныхъ пластовъ и находкамъ въ нихъ остатковъ прежней жизни, не слѣдуетъ еще переходить къ смѣлымъ и рѣшительнымъ выводамъ, прямо въ разрѣзъ съ божественнымъ писаніемъ. Дальше догадки и предположеній, знаніе человѣческое здѣсь идти не можетъ и не должно; по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не выяснится дѣло всесторонне. Еслибы естествоиспытатели, изучая природу, не чуждались библіи, они никогда бы не дошли до тѣхъ, опозорившихъ умъ человѣческой, возрѣвній, какими наводнили и доселѣ наводняютъ они міръ, отрицавъ вмѣстѣ съ Богомъ, религію и нравственность, распатывая престолы и алтари, распространяя развратъ и политическія крамолы, растлывая и губя семью,—этотъ единственный пріютъ безупречнаго человѣческаго счастья на землѣ. Горе соблазнителямъ! Придетъ часъ, когда не судъ только Божій, но и судъ человѣческой взыщетъ съ нихъ и воздастъ имъ сполна за все то зло, какое вносятъ они въ среду человѣческую. По словамъ Св. Апостола, они *безоуживотны*, а по слову Господа, *у не имъ есть, да обшчится жерновъ осельскій на выи ихъ*, и они *заживо потонутъ въ пучинѣ морстній*.

Братіе! Нынѣ мы вступили въ первый день новаго года, и предъ нами по прежнему лежитъ открытою великая книга природы, и мы по прежнему могли уже поучаться по ней. Намъ прочитано сегодня нѣсколько страницъ и изъ книги божественныхъ писаній—изъ библии. Но, увы, недавно прожитое нами и доселѣ еще до нѣкоторой степени продолжающееся печальное время выставляетъ намъ и третьяго учителя: это—горкій опытъ, какой дали и дають намъ нагубныя послѣдствія распущенности въ мысляхъ и безвѣрія, распространившагося и распространяемаго нѣкоторыми изъ братій нашихъ. Первые два учителя говорятъ намъ: вѣруйте въ Бога, любите Бога, повинуйтесь Богу; послѣдній говоритъ: смотрите, что значить жизнь безъ Бога или противъ Бога; смотрите, сколько золь приносить она, губя себя и другихъ. Что же мы вынесемъ въ настоящій день изъ св. храма отъ этихъ трехъ учителей? Не знаю, кто и что внесетъ, но я бы желалъ, чтобы всѣ вмѣстѣ и каждый порознь вынесли, по крайней мѣрѣ, хотя искреннее помышленіе и искреннее желаніе не только самимъ стоять твердо въ вѣрѣ, такъ чтобы каждый изъ насъ могъ свободно сказать при послѣднемъ дыханіи съ Св. Апостоломъ: *вѣру соблюдохъ*, но и всѣми возможными и дозволенными средствами противодействовать распространенію безвѣрія и въ другихъ. Имѣйте это святое помышленіе, имѣйте это искреннее желаніе, и Господь самъ умудритъ, что и какъ слѣдуетъ дѣлать въ настоящее время. Распространяющаяся язва безвѣрія, угрожающая гибелью сыновьямъ и дочерямъ нашимъ, требуетъ, чтобы мы дружно воспрянули духомъ и громко, слезно звали къ Богу о помощи противъ этой язвы. О, Господи, услыши насъ въ день и часъ, въ онъ же, въ скорби сердца, призовемъ Тя, и помози намъ имени ради святаго Твоего!

Протоіерей В. Розаліевъ.